

УДК 93/94

**«СОМНИТЕЛЬНАЯ ПОКОРНОСТЬ»:
ПРОБЛЕМА МИРНЫХ ГОРЦЕВ В ПОЛИТИКЕ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (1840-е гг.)¹**

Урушадзе А. Т.

*Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
E-mail: aturushadze@sfedu.ru*

Рассматривается проблема мирных горцев в политике Российской империи на Северном Кавказе в 1840-е гг. Материалами статьи послужили архивные и опубликованные исторические свидетельства. Специальный анализ политики империи Романовых в отношении мирных горцев ранее в историографии не предпринимался. Частые побег мирных горцев к немирным были одной из центральных тем переписки Петербурга и Тифлиса в середине XIX столетия. В 1840-е гг. активно обсуждался вопрос об определении правил принятия покорности горцев. Основной причиной побегов ранее замиренных горцев была признана невозможность обеспечить их надежную защиту от нападений соседей, противостоящих российской власти. Вместе с тем имперская администрация стремилась использовать вновь подчинившихся в интересах утверждения российского военно-политического доминирования в регионе. Мирных использовали как буфер между Кавказской линией и землями непокорных. Принимая в подданство отдельные общества, селения, фамильные объединения, коронная администрация надеялась внести раздор среди горцев и не допустить создания общей антироссийской коалиции. Несмотря на все усилия, проблема поддержания устойчивой лояльности мирных горцев оставалась актуальной для имперской администрации до конца 1850-х гг., когда военный перевес России стал очевиден.

Ключевые слова: Кавказская война, Российская империя, мирные горцы, подданство.

«Вам знакомы уже, ребята, труды и неприятель, на которого я поведу вас. Одна сила оружия укротит или истребит этих нарушителей спокойствия как в горах, так и в самых границах наших. Пойдем, отыщем их в убежищах, которые они почитают неприступными. Откуда человек выходит – туда достанет русский штык. Много есть между ними таких, которые желают, наконец, покоя под защитой нашего оружия. Отличим их от непокорных везде, где они явятся» [2, с. 326], – в таких выражениях был написан приказ генерала П. Х. Граббе от 9 мая 1839 г. солдатам и офицерам Чеченского отряда накануне похода против Шамиля, который завершился знаменитой осадой Ахульго.

В тексте приказа различаются горцы, готовые изъявить лояльность империи, от горцев непокорных, упорствующих в отстаивании своей свободы. Но задача отличить одних от других была для российской администрации совершенно нетривиальной. Еще в 1830 г. российские власти потребовали от кавказской администрации карту, на которой мирные общества горцев, присягнувшие на

¹ Статья написана при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект 17-18-01411 «Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология».

верность белому царю, были бы отделены от горцев немирных. Карта была составлена и большая часть Северного Кавказа окрасилась в умиротворяющий зеленый цвет [12, с. 110–114], обозначавший покорных подданных империи. Но командующий Отдельным Кавказским корпусом генерал И. Ф. Паскевич вместе с картой представил специальный рапорт, поясняющий, что линия, «проведенная на карте зеленой краской, означает пределы народов, принесших присягу на верноподданность государю императору, но сие не значит, чтобы они были покорены, ибо многие из них часто нарушали присягу свою, которую давали, уступая временной необходимости во время бывших против них военных экспедиций...» [8, с. 256–257; 15, с. 25–26].

Контролировать мирных горцев часто оказывалось существенно сложнее, чем противостоять горцам немирным. Это приводило к перманентной нестабильности мирного статуса присягнувших на верность горцев, которые под давлением различных обстоятельств отказывались от ранее объявленной лояльности. Подобные случаи практически и символически понижали авторитет коронной власти, а в Санкт-Петербурге известия об «изменах» горцев вызывали раздражение и недовольство местным начальством. Империя Романовых словно бы топталась на месте, не в силах подобрать нужный темп в трагическом марафоне Кавказской войны.

В современной историографии некоторые особенности военно-политического положения мирных горских обществ в эпоху Кавказской войны уже были подмечены, но систематического, контекстного рассмотрения не получили. В. В. Лапин отметил, что мирные горцы использовали покровительство российской администрации против соседних сообществ, а также необходимость военной защиты мирных аулов, которые становились объектом набегов со стороны немирных горцев [9]. Сходные замечания находим у Я. А. Гордина, отметившего сложность положения мирных горских социумов между принуждающей к миру империей и продолжающими сопротивление свободными горцами [5, с. 201].

На каких условиях Российская империя принимала покорность горцев? Почему заявившие о своей лояльности горские общества вскоре нарушали данную присягу? Как имперские власти пытались использовать мирных горцев? Вот вопросы, на которые попытается ответить предлагаемая статья.

В начале 1842 г. командующий Черноморской береговой линией генерал-лейтенант И. Р. Анреп обратился в Военное министерство Российской империи с вопросом: «Должно ли принимать покорность горных обществ по частям или не иначе как от целого общества нераздельно?» [13, л. 1]. За И. Р. Анрепом на Кавказе закрепилась репутация чудака и фантазера, еще будучи начальником Лезгинской кордонной линии (1839–1841 гг.) он отправился покорять горцев не силой оружия, а своим красноречием. В воспоминаниях ветерана Кавказской войны генерала Г. И. Филипсона об И. Р. Анрепе среди прочего написано, что «воображение уносило его часто за пределы действительности» [4, с. 200]. Но в этот раз к вопросу донкихотствующего генерала в Петербурге отнеслись со всей серьезностью. Отсутствие решительного успеха в деле «умиротворения» беспокойной южной окраины требовало поиска эффективных подходов к распространению и надежному укреплению имперского суверенитета.

Поводом к вопросу И. Р. Анрепа стала присяга шапсугского фамильного объединения Ачмез. Начальник Черноморской береговой линии писал военному министру о рисках принятия подданства от небольших групп горцев, и предлагал принимать изъявления покорности только со стороны сильных обществ, которые могли бы увлечь за собой под покровительство «белого царя» соседей, а не стать жертвой очередного набега непокорных. Также И. Р. Анреп отмечал необходимость установления общих правил принятия покорности горцев и учреждения в лояльных обществах российского управления [13, л. 1].

Военный министр А. И. Чернышев, согласно воле императора Николая I, потребовал заключения по вопросу, поднятому И. Р. Анрепом, от командующего войсками на Кавказской линии и начальника Кавказской области генерала П. Х. Граббе. Павел Христофорович был не только талантливым офицером, но и упрямым честолюбцем, способным согласиться только с собственным мнением. К началу 1842 г. он почти открыто конфликтовал с корпусным командиром генералом Е. А. Головиным по вопросу о главной цели весенне-летней военной кампании на левом фланге Кавказской линии [3, с. 406–407].

П. Х. Граббе, сославшись на «чрезвычайное разнообразие горских обществ», отверг возможность установления единообразных правил «принятия покорности» и предложил оставить решение этих задач местным начальникам, которые должны были уведомлять свое высшее начальство о каждом новом случае «замирения». Императору аргументы П. Х. Граббе показались убедительными. Но полностью положиться на командиров различных отрядов, несущих службу на Кавказской линии, в деле определения условий горской покорности Николай I считал невозможным и вредным. Царь справедливо считал, что его генералы, не имеющие никакого ясного руководства, «неизбежно будут вовлекаемы в распоряжения разнообразные, несогласные между собою, ни в цели, ни в средствах, а потому вредные по своим последствиям» [13, л. 2]. Поэтому Николай I самостоятельно определил общие принципы, на которых следовало принимать покорность горцев.

17 февраля 1842 г. в Тифлис Е. А. Головину было отправлено послание с изложением нескольких ключевых пунктов за подписью А. И. Чернышева, но по характеру текста видно, что военный министр позволил себе лишь прилежно пересказать императорские повеления. Генералам П. Х. Граббе, И. Р. Анрепу, И. Н. Тараканову (командующий войсками в Южном Дагестане), Ф. К. Кюки-фон-Клугенау (командующий войсками в Северном Дагестане) и Г. Е. Шварцу (начальник Лезгинской кордонной линии) была отправлена копия этого письма военного министра.

Во-первых, император не видел никаких препятствий к принятию покорности со стороны отдельных семейных объединений и селений горцев. «Распространение владычества нашего на Кавказе непосредственно зависит от несогласия между горцами. Ныне же все почти горские общества соединились против нас и в этом положении дел необходимость указывает приступить к безотлагательным мерам для возможного уменьшения числа неприятелей и поселения между ними внутренней вражды и раздоров» [13, л. 1] – фиксировал монаршее указание А. И. Чернышев.

Во-вторых, главной причиной частых нарушений горцами присяги Николай I признавал их недостаточную защиту от немирных соседей. Поэтому принимать в подданство следовало «те только горные общества, земли коих непосредственно прилегают к нашим линиям, так что оборона их против всяких внешних покушений, может быть устроена надежным образом. Напротив того, не принимать изъявление покорности от племен, коих земли находятся вне связи с занятыми нами линиями и которых посему мы не можем оборонять безусловно, ибо подобная покорность оставалась бы, как и доселе, беспоследственной (так в тексте. – А. У.)» [13, л. 3].

В-третьих, мирных горцев необходимо было убедить, что, переходя на сторону коронных властей, они не будут терпеть притеснения и их земли останутся за ними: «Удостоверить покоряющиеся общества в прочности их водворения в пределах ими занимаемых» [13, л. 3].

В-четвертых, мирным горцам разрешалось «впредь до общего гражданского устройства всех племен Кавказа» руководствоваться местными правовыми обычаями по всем делам за исключением уголовных. Общее наблюдение за их благополучием должен был осуществлять пристав из офицеров русской службы. Приставская система управления к этому времени получила широкое распространение на Северном Кавказе [1, с. 60–64; 10].

В-пятых, мирные горцы освобождались от всех личных повинностей, кроме защиты собственных селений и имущества, которую они должны были обеспечить совместно с отрядами Кавказского корпуса. «Сверх того, в видах обороны своих жилищ, горцы обязаны там, где это будет признано возможным и не противно их обычаям, содействовать нашим войскам к постройке укреплений, которые признаны будут необходимыми, поставкой рабочих, приготовлением строительных материалов и выставкой подвод не иначе, как за установленную плату» [13, л. 3], – отмечал военный министр.

Эти же условия распространялись на горцев, ушедших с берегов Терека и Лабы и принимавших участие в набегах на укрепления и поселения Кавказской линии. Им разрешалось вернуться на прежнее место жительства, но прежде они должны были с оружием в руках выступить против свободных горцев, продолжавших борьбу с империей. Таков был залог доверия для новых подданных, определенный Николаем I.

В отпавленные из столицы на Кавказ правила допускались «частные изменения» в соответствии с местными обстоятельствами и нуждами. Генералам поручалось «привлекать горцев всеми зависящими от них способами к изъявлению добровольной покорности» [13, л. 4].

Выяснять, как удачно кавказская администрация справляется с этой и другими задачами по «умиротворению» края, отправился с ревизорской поездкой А. И. Чернышев, прибывший 18 апреля 1842 г. в Анапу. Здесь военный министр принимал старшин нескольких адыгских обществ, обратившихся с просьбой о принятии в российское подданство [14, с. 258]. В укреплении Св. Духа А. И. Чернышев встречался с князьями джигетов, которые присягнули на верность Николаю I весной 1841 г. и с тех пор находились под угрозой нападения непокорных убыхов [6, с. 60–64]. Далее военный министр отправился в южнороссийскую столицу

Тифлис, а затем в прикаспийские области, где его снова ожидали депутаты от желающих вступить в российское подданство горских обществ. Обрато А. И. Чернышев возвращался по Военно-грузинской дороге, благополучно прибыв в Ставрополь 26 июля 1842 г., тем самым завершив свою инспекционную поездку.

Пока в Петербурге А. И. Чернышев составлял доклад о результатах своего кавказского вояжа, местная администрация пыталась следовать правилам принятия покорности горцев и сталкивалась с новыми разнообразными трудностями. В рапорте Е. А. Головину от 27 сентября 1842 г. П. Х. Граббе писал о казусе с бесленеевцами – адыгским сообществом, исторически проживавшим на правом берегу р. Лабы. Бесленеевцы не единожды нарушали присягу верности. Летом 1842 г. они вновь отпали от российской администрации и ушли с воинственными абадзехами. После военных тревог бесленеевцы прислали к П. Х. Граббе депутатов, которые просили русского генерала не разорять горцев военными экспедициями, а дать возможность им оставаться на правом берегу Лабы. Бесленеевцы изъявляли готовность принести присягу повторно и выдать российской администрации или изгнать всех «неблагоденных людей» [13, л. 10]. Свою измену они объясняли невозможностью оказать военное сопротивление абадзехам, о чем неоднократно предупреждали российское начальство. П. Х. Граббе согласился оставить бесленеевцев на прежнем месте, но не из сочувствия к их судьбе, а по вполне практическим соображениям: адыги прикрывали всю верхнюю часть Лабинской линии, начиная от Зассовского укрепления, и служили своеобразным буфером между линейными фортами и непокорными горцами.

Труднорешаемой задачей была организация административного контроля над мирными горцами. До ухода с абадзехами бесленеевцы находились в ведении пристава ногайских народов, который большую часть времени проводил в Ставрополе и не мог иметь какого-либо серьезного влияния в делах порученных ему закубанских черкесов. П. Х. Граббе передал повторно присягнувших бесленеевцев начальнику Лабинской линии «для ближайшего за ними надзора» [13, л. 12]. В рапорте Е. А. Головину от 6 октября 1842 г. П. Х. Граббе среди прочего писал: «Происшествия последних лет показали, какие вредные для нас последствия влечет за собою бегство покорных нам племен. Переходя к непокорным, племена эти не только обнажают границы наши, но еще увеличивают силы неприятеля массою людей праздных и разоренных, которые по необходимости должны в грабежах искать вознаграждения своих потерь и которые присутствием своим волнуют и еще более возбуждают против нас и тех, между коими они поселяются» [13, л. 13].

Принятие повторной присяги бесленеевцев было последним служебным делом П. Х. Граббе на Кавказе. В октябре 1842 г. Николай I сменил высшее командование Отдельного Кавказского корпуса. Вместо Е. А. Головина в Тифлис приехал генерал А. И. Нейдгардт, ранее командовавший 6-м пехотным корпусом, а П. Х. Граббе сменил генерал-лейтенант В. О. Гурко, служивший на Кавказе под началом И. Ф. Паскевича в 1827–1830 гг. Проблема мирных горцев была передана новому командованию с другим нелегким военно-политическим наследством.

«Не хочу никаких завоеваний и мысль об оных считаю преступною. Хочу упрочения нашего владычества краем, где признаю его покуда крайне шатким и

неверным» [7, с. 380], – так Николай I инструктировал А. И. Нейдгардта, заботам которого поручал южную окраину своей империи. Провальная чеченская кампания П. Х. Граббе 1842 г., покончившая с его карьерой на Кавказе, на время убедила императора в бесполезности отдельных наступательных экспедиций: «Постепенное овладение плоскостями посредством возведения линий укреплений у главных выходов из гор, употребление политических средств для разъединения восставших обществ и в особенности благоразумное, сообразное с справедливостью равно с потребностями и обычаями туземцев управление мирными и покоряющимися аулами, доведут нас до предположенной цели скорее, вернее и с меньшими жертвованиями, нежели отдаленные и опрометчивые экспедиции в горы, которые, раздражая горцев и расстраивая более и более войска Кавказского корпуса, никогда еще донныне не представляли совершенно положительных результатов» [13, л. 41–42], – не уставал наставлять Николай I командующего Отдельным Кавказским корпусом.

От новой военной администрации российский самодержец требовал прежде всего прочного закрепления на уже занятых рубежах и бесповоротного утверждения российского суверенитета среди ранее присягнувших горских обществ. Через военного министра Николай I сообщал кавказскому начальству, что не возражает оставлять «вооруженные аулы» в пределах Кавказской линии, тем самым приобретая доверие «полупокорных» горцев. Но при этом всех жителей подобных селений император предполагал обратить в казаков. А. И. Чернышев предупреждал А. И. Нейдгардта о секретном характере этого проекта, исполнение которого откладывалось до времени, «когда обстоятельства и положение края сие дозволят» [13, л. 43]. Любопытно, что предположение императора сходно с проектом генерал-майора Г. М. Халанского о преобразовании Кавказской области в казачье войско (1840 г.). «Сущность проекта генерал-майора Г. М. Халанского состоит в том, чтобы обратить все население Кавказской области в казачье сословие; т. е. образовать из всей Кавказской области одно целое, наподобие войска Донского» [11, л. 5], – отмечено в бумагах Д. А. Милютин. Весной 1843 г. военный министр извещал А. И. Нейдгардта о желании императора со временем перевести чеченцев левого берега реки Сунжи в казачье сословие, а их соотечественников, проживавших по правому берегу, держать «под выстрелами наших укреплений» [13, л. 96].

Будни командования Кавказской линией занимали далеко не столь масштабные дела. С непокорными периодически уходили не просто ранее присягнувшие «белому царю» горцы, но даже те из них, которые имели российские военные чины и отличия. Их уход в горское сопротивление Российской империи мог быть вызван различными обстоятельствами и не всегда являлся добровольным. Таких невольных беглецов российское начальство особенно старательно пыталось вернуть обратно. В конце 1842 г. командующий Черноморской кордонной линией генерал-лейтенант Н. С. Завадовский предложил ввести полугодичный срок возвращения горцев-офицеров, в течение которого они сохраняли свои звания и отличия, полученные от российских властей. А. И. Нейдгардт одобрил введение подобной «льготы»: «... Я соглашаюсь в том уважении, что эти лица силою были принуждены к побегу» [13, л. 32]. Коронная администрация надеялась, что амнистированные офицеры-горцы смогут вывести за собой свои семьи и целые горские общества.

Но усилия имперской администрации не давали искомого результата. Побег присягнувших горцев продолжались. Некоторые горские общества нарушали данную русскому царю присягу по несколько раз. Показателен пример бесленевцев, которые, приняв присягу повторно всем обществом под предводительством своего князя Айтека Канокова и выдав аманатов летом 1843 г., уже менее чем через год вновь изменили российским властям. По поводу этого происшествия А. И. Чернышев писал в Тифлис А. И. Нейдгардту от имени императора: «... Это служит новым доказательством, сколь бесполезно и даже вредно безусловное переселение в пределы наши горцев, изъявивших сомнительную покорность. Подобные переселения могут достигнуть цели лишь при строгом соблюдении двух главных условий: ограждения переселенцев от внешних насилий и обеспечения будущего их поведения надлежащими ручательствами. В противном случае, не защищая их от покушений неприятеля, мы представляем повод к невыгодному заключению о слабости нашей, а полагаясь на шаткую преданность переселенцев, мы явно вдаемся в обман» [13, л. 111]. Под «надлежащими ручательствами» верности чаще всего подразумевалось участие мирных горцев в военных предприятиях войск Отдельного Кавказского корпуса.

Подведем итоги. В 1840-е гг. проблема мирных горцев стала одной из центральных тем переписки официального Петербурга с российской администрацией на Кавказе. Военные неудачи (падение нескольких фортов Черноморской линии в 1840 г., экспедиция П. Х. Граббе в Чечню в 1842 г.) и провал административных преобразований (реформа сенатора П. В. Гана 1840–1841 гг.) поставили под вопрос российское доминирование на Кавказе. Случаи отказа горцев от ранее принесенной присяги стали обыденностью на северо-западе и северо-востоке края. В Петербурге это воспринималось как свидетельство неэффективности региональной администрации, а в Тифлисе отсутствовало понимание способов предотвращения таких казусов.

Обмен мнений, который состоялся в 1842 г. между столицей и кавказской администрацией, показал, в чем заключались причины «сомнительной покорности» горцев. Сравнительно небольшие горские социумы были не в состоянии противостоять воинственным и более многочисленным соседям, которые увлекали присягнувших к измене. Российская же администрация раз за разом оказывалась не в состоянии оказать военную поддержку новым подданным, оставляя им выбор между гибелью в неравном бою и изменой данному слову. Поэтому имперская администрация пыталась придерживаться правила, сформулированного Николаем I: принимать присягу горцев при условии их надежной защиты от внешних нападений. Но общее тяжелое военно-стратегическое положение дел на Северном Кавказе и недостаток средств делали эту задачу невыполнимой. Неоднократные, а в некоторых случаях повторные побег мирных горцев к немирным служат тому подтверждением. Проблема принятия горских обществ в подданство и удержание их лояльности оставалась актуальной для Российской империи вплоть до конца 1850-х годов, когда военно-политический перевес империи стал очевиден, а политическая судьба Кавказа была предрешена.

Список использованных источников и литературы

1. Абазов А. Х. Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XIX в. – Нальчик: Печатный двор, 2016. – 264 с.
Abazov A.Kh. Narody Tsentral'nogo Kavkaza v sudebnoi sisteme Rossiiskoi imperii v kontse XVIII – nachale XIX v. – Nal'chik: Pechatnyi dvor, 2016. – 264 s.
2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. IX. – Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1884. – 949 с.
Akty, sobrannye Kavkazskoi arkhograficheskoi komissiei. T. IX. – Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1884. – 949 s.
3. Блиев М. М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. – М.: Мысль, 2004. – 878 с.
Bliev M.M. Rossiya i gortsy Bol'shogo Kavkaza na puti k tsivilizatsii. – M.: Mysl', 2004. – 878 s.
4. Воспоминания Григория Ивановича Филиппсона // Русский архив. – 1884. – Вып. 1. – С. 182–212.
Vospominaniya Grigoriya Ivanovicha Filipsona // Russkii arkhiv. – 1884. – Вып. 1. – С. 182–212.
5. Гордин Я. А. Кавказская Атлантида. 300 лет войны. – М.: Издательство журнала «Звезда», 2011. – 512 с.
Gordin Ya.A. Kavkazskaya Atlantida. 300 let voiny. – M.: Izdatel'stvo zhurnala «Zvezda», 2011. – 512 s.
6. Документы и материалы по истории Джигетии (1750–1868 гг.). Сборник документальных материалов / Под ред. А. А. Черкасова. – Сочи: Научный издательский дом «Исследователь», 2016. – 267 с.
Dokumenty i materialy po istorii Dzhigetii (1750–1868 gg.). Sbornik dokumental'nykh materialov / Pod red. A.A. Cherkasova. – Sochi: Nauchnyi izdatel'skii dom «Issledovatel'», 2016. – 267 s.
7. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2005. – 634 с.
Kavkaz i Rossiiskaya imperiya: proekty, idei, illyuzii i real'nost'. Nachalo XIX – nachalo XX vv. – SPb.: Izdatel'stvo zhurnala «Zvezda», 2005. – 634 s.
8. Лапин В. В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. – СПб.: Издательство «Европейский дом», 2008. – 400 с.
Lapin V.V. Armiya Rossii v Kavkazskoi voine XVIII–XIX vv. – SPb.: Izdatel'stvo «Evropeiskii dom», 2008. – 400 s.
9. Лапин В. В. Кавказская война и ее солдаты // Звезда. – 2014. – № 10. – С. 108–136.
Lapin V.V. Kavkazskaya voina i ee soldaty // Zvezda. – 2014. – № 10. – С. 108–136.
10. Мальцев В. Н., Чирг А. Ю. Институт приставства на Кавказе: создание, деятельность, эволюция (вторая половина XVIII века 1860 год) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». – 2012. – № 2. – С. 86–92.
Mal'tsev V. N., Chirg A. Yu. Institut pristavstva na Kavkaze: sozdanie, deyatel'nost', evolyutsiya (vtoraya polovina XVIII veka 1860 god) // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya. – 2012. – № 2. – С. 86–92.
11. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 169. Карт. 18. Ед. хр. 16.
Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki. F. 169. Kart. 18. Ed. khr. 16.
12. Пастуро М. Зеленый. История цвета. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 168 с.
Pasturo M. Zelenyi. Istoriya tsveta. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. – 168 s.
13. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 504.
Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv. F. 14719. Op. 3. D. 504.
14. Сборник императорского русского исторического общества. Т. СХХII. – СПб.: [Б.и.], 1905. – 560 с.
Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva. T. SXXII. – SPb.: [B.i.], 1905. – 560 s.
15. Ходарковский М. Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с.
Khodarkovskii M. Gor'kii vybor: vernost' i predatel'stvo v epokhu rossiiskogo zavoevaniya Severnogo Kavkaza. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. – 232 s.

Urushadze A. T. «Doubtful obedience»: the problem of peaceful mountaineer in the policy of the Russian empire in the Northern Caucasus (1840s)

In the article the problem of peaceful mountaineers in the policy of the Russian Empire in the North Caucasus in the 1840s is considered. The materials of the article were archival and published historical evidence. A special analysis of the policy of the Romanov empire in relation to the peaceful mountaineers was not undertaken in historiography before. Frequent shoots of peaceful mountaineers to non-peaceful ones were one of the central themes of the correspondence between St. Petersburg and Tiflis in the middle of the 19th century. In the 1840s the issue of determining the rules for accepting the submission of highlanders was actively discussed. The main reason for the escapes of the previously humiliated mountaineers was the inability to provide them with reliable protection against attacks by neighbors opposing the Russian authorities. At the same time, the imperial administration sought to use the newly obeyed in the interests of establishing Russian military and political domination in the region. Peaceful used as a buffer between the Caucasian line and the unruly lands. Accepting citizenship of individual societies, villages, family associations, the Crown Administration hoped to bring discord among the mountaineers and prevent the creation of a common anti-Russian coalition. Despite all the efforts, the problem of maintaining the stable loyalty of the peaceful mountaineers remained relevant for the imperial administration until the end of the 1850s, when Russia's military preponderance became evident.

Keywords: Caucasian war, Russian empire, peaceful mountaineers, citizenship.